

Через Западные Карпаты

Воинам укрепрайона даже не удалось как следует разглядеть освобожденный город Кошице. Выйдя в тот день к 17 часам вслед за отступавшими гитлеровцами на его западную окраину, мы получили от командования армии следующую задачу: «С рубежа Навечаны, Нижний Тейнеш, Шемша (северо-западнее Кошице) преследовать противника в общем направлении на Гельнице. Разграничительная линия слева (с 17-м гвардейским стрелковым корпусом) — Сенья, Бузника, Рудник, Мнишек, справа (с 95-м стрелковым корпусом) — Обишевце, Маргецаны, Маркушевце»¹.

Это была дорога опять в глубь Карпат, теперь уже Западных, куда поспешно отходил противник, надеясь в Словацких Рудных горах остановить продвижение советских войск.

Словацкие Рудные горы называются так потому, что они издавна известны месторождениями железных и медных руд, сурьмы, магнезита и других полезных ископаемых. Кто только не грабил эти богатства! Ведь за свою более чем пятнадцативекую историю Словакия много раз переходила от одних иноземных завоевателей к другим. Эта небольшая страна площадью меньше 50 тыс. квадратных километров в средние века была захвачена сначала венгерскими королями, потом турецким султаном и, наконец, империей Габсбургов. Перед второй мировой войной ее фактически поделили между собой Гитлер и Хорти.

И все эти пятнадцать веков словацкий народ вместе со своими братьями-чехами боролся против поработителей. Сменялись эпохи, а в горах Словакии, поросших густыми лесами, не переводились отряды борцов за свободу. Укрывались они и в Словацких Рудных горах. Здесь был один из центров восстания 1944 г. против немецко-фашистских оккупантов.

¹ Архив МО СССР, ф. 371, оп. 6367, д. 528, л. 65.

Теперь туда уходили разгромленные войска кошицкой группировки гитлеровцев.

Перед фронтом 159-го укрепленного района отступали остатки немецкой 1-й лыжногерманской дивизии. Прикрывали их охранные отряды, а также два полка и батальон пехоты так называемой 2-й венгерской резервной дивизии. Общая численность боевого состава только этих арьергардных сил, преследуемых нашими батальонами, составляла до 6300 солдат и офицеров, имевших 294 пулемета, 64 орудия, 82 миномета и 25 танков.

Батальоны укрепленного района наступали по двум направлениям. 20-й и 491-й под командованием майора Щербакова и майора Нарыкова двигались через населенные пункты Банков, Кавечаны, Кош-Бела, Малый и Большой Фолькмар, Якловце, Жакаровце, Словинки, Пора, Коттербах, Чакипуста, 500-й батальон майора Сотникова — чуть левее. Вторую группу составляли 493-й батальон капитана Синькова и 494-й капитана Богоявленского, наступавшие в направлении Малая Ида, Идка, Злата Ида, Мнишек, а также — справа от них — 361-й батальон капитана Субелиани.

Противник не случайно выбрал для отхода горы. Он рассчитывал, что здесь легче оторваться от преследования. Чтобы задержать нас, фашисты минировали за собой все пути и с помощью взрывчатки заваливали их обломками скал. Ставили и всевозможные заграждения, а также устраивали засады, выбирая для этого места, позволявшие совершать внезапные нападения. Наконец, как мы вскоре убедились, враг намеревался достигнуть значительно раньше нас района Мнишек или Спешка-Нова-Вес и, выиграв таким образом время, укрепиться там.

Но все эти усилия оказались тщетными...

Вновь мы шли вперед по горным тропам на высотах от 400 до 1300 метров. И была не осень, как в горах Румынии, а зима. Тропы покрылись толстым слоем снега, местами обледеневшего. Подниматься в гору было нелегко, а спускаться еще труднее.

Впрочем, все это учли еще перед выходом из Кошице, ведь теперь мы имели кое-какой опыт горной войны. Батальоны вооружили карабинами, автоматами, ручными пулеметами и гранатами, артиллерию же и тяжелое пехотное вооружение везли боевые обозы, двигавшиеся слева и справа от нас по шоссе. Дорогам вслед за соседями — 17-м и 95-м стрелковыми корпусами.

Первый из них наступал через Нижний Медзев и Шведлар, второй — на Маркушевцы, Компахы. Между ними, в горной полосе шириною 17—20 километров, по узким труднопроходимым тропам, а часто и вообще по бездорожью, преследовали противника войска укрепленного района.

Ни ухищрения врага, ни снежный буран, разразившийся в эти дни в горах и занесший все тропы, не могли помешать нашему движению вперед. Неудержимый наступательный порыв

владел советскими воинами, знавшими, что, добывая смертельно раненного фашистского зверя, они освобождают народ братской Чехословакии.

Знали это и радостно встречавшие нас жители гор. Их помощь, которую мы ощущали и прежде, теперь была особенно широкой, я бы даже сказал, что она сыграла существенную роль в нашем успешном продвижении вперед.

Словацкие Рудные горы оказались действительно партизанским краем. Здесь мы повсюду встречали участников недавнего антигитлеровского восстания, смелых и опытных бойцов, горевших желанием вновь принять участие в борьбе с ненавистным фашизмом. И, пожалуй, без них мы не смогли бы так быстро добывать сведения о противнике, а главное, успешно вести батальоны в глубине незнакомых гор, где за каждой скалой таилась опасность. Словацкие партизаны были нашими добровольными разведчиками и проводниками, помогали расчищать завалы, самоотверженно участвовали в разминировании троп.

Они не раз оказывали подразделениям укрепрайона и непосредственное содействие в овладении населенными пунктами.

Так была захвачена врасплох вражеская часть в Кош-Гамри. На подходе к этому селению навстречу головному взводу 20-го батальона вышел пожилой крестьянин, оказавшийся хорошим знакомым наших проводников-партизан. По всему видно было, что он ждал их, чтобы передать сведения для наступающих советских войск. Выяснилось, что в селении находится немецкая часть и что она, не ожидая нашего появления здесь раньше следующего дня, расположилась в крестьянских домах на отдых.

— Прямо в село идти нельзя, дозор ихний увидит, — сказал крестьянин, — обойдем вон по той тропке и попадем как раз к моему дому. Там тоже немцы, да они спят... Семью я выведу, а дом... Бог с ним, с домом...

Старому словаку не жалко было и своего жилища, лишь бы не ушли безнаказанно ненавистные фашисты, принесшие столько горя его родине.

Командир взвода комсомолец младший лейтенант Бобров решил взять непрошенных гостей без боя. После донесения командиру роты он со своим взводом окружил прилепившийся к скале домик. Старик ушел за семьей и тут же вывел ее в безопасное место.

Проснувшиеся гитлеровцы что-то прокричали ему вслед. Видимо, почуяли опасность.

Но в дом уже ворвались наши воины. Они быстро обезоружили фашистов и приставили к ним охрану. Тем временем подошли две роты 20-го батальона. Они заняли селение, взяв в плен всю находившуюся там вражескую часть.

Очистив от противника ряд населенных пунктов, войска укрепрайона 22 января с ходу форсировали горную реку Гель-

ницу и в тот же день освободили одноименный городок на ее берегу.

Чем дальше продвигались мы на запад, тем чаще среди партизан встречали чехов. Они в количестве нескольких тысяч человек еще осенью пришли в Словакию из чешских областей страны, чтобы принять участие в происходившем здесь восстании. В этом сказалась глубокая общность национально-освободительной борьбы двух братских народов за единую свободную Чехословакию. Единство их интересов проявлялось и в том, что словаки и чехи с одинаковым одобрением отзывались о советско-чехословацком договоре о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, который был заключен еще в конце 1943 г. и тогда же стал широко известен в стране благодаря подпольщикам-антифашистам.

— Советский Союз — наш друг и брат, — говорили они. — В союзе с ним мы восстановим наше единое государство и навсегда сохраним свободу, которую несет нам могучая Советская Армия.

Везде нас, советских воинов, встречало все население освобождаемых населенных пунктов. На улицы выходили и женщины с маленькими детьми, и глубокие старики.

— Советская Армия пришла, — радостно говорили они, — пришла наша свобода...

И нам было приятно сознавать, что сбылась мечта этих тысяч людей об освобождении от ига фашизма, что для них война уже окончилась и наступили дни мирных забот. Кстати отмечу, что во всех освобождаемых нами городах и селах тотчас же образовывались местные органы власти. Как правило, население высказывалось за то, чтобы возглавлял такие органы кто-либо из бывших повстанцев или тех, кому они доверяли, — так велик был здесь авторитет участников партизанской борьбы.

Например, в Гельнице, куда первым вступил 500-й батальон майора Сотникова, главой городской администрации стал рекомендованный партизанами служащий местного банка Александр Керечнер. Ему мы и передали власть в городке, когда покидали его территорию, чтобы продолжать преследование врага. Это полностью соответствовало советско-чехословацкому соглашению от 8 мая 1944 г., по которому районы, освобожденные Советской Армией и переставшие быть зоной непосредственных военных операций, полностью переходили под управление чехословацких органов власти.

Такому правилу следовали все командиры наших частей. Причем во многих населенных пунктах народная власть тайно существовала уже давно. Так было, например, в селении Гельмановцы и местечке Порач, где к нашему приходу заранее готовили торжественную встречу с чехословацкими и советскими флагами, духовым оркестром, праздничным угощением. И мы

не удивлялись всему этому, зная, что идем по партизанскому краю и что, в частности, местечко Порац было одним из повстанческих центров в Словацких Рудных горах.

Но даже при активной помощи населения далеко не везде удавалось войскам укрепрайона продвигаться вперед беспрепятственно. В ряде пунктов отступавший противник оказывал ожесточенное сопротивление и даже предпринимал контратаки.

Батальоны правой группы, возглавляемой начальником штаба полковником А. С. Дмитриевым, с ходу овладели Коттербахом. Однако, поскольку именно здесь находились перебазируемые из Германии два крупных завода промышленного концерна Геринга — металлургический и ртутный, вражеское командование попыталось выбить наши части из этого городка и бросило против них свежие силы — два немецких батальона с пятнадцатью танками и самоходными орудиями. Одновременно пехота противника с восемью танками двинулась на соседний городок Кромпахи.

Но Дмитриев, вовремя получивший от разведки партизан сведения об этом, принял необходимые меры. 20-й и 491-й батальоны приготовились встретить врага на подступах к Коттербаху. 500-й был выдвинут в Кромпахи.

Рано утром 25 января немцы яростно атаковали три наших батальона.

20-й и 491-й отразили натиск врага. Безуспешной была и предпринятая против них вторая, еще более ожесточенная атака.

Более сложной была обстановка у Кромпах. Противник избрал это направление исключительно с целью выхода во фланг и тыл всей группировке войск укрепрайона. Как только это стало ясно, я послал туда и резервный 496-й батальон капитана Староверова. 500-й, отлично укрепившись на занятых им позициях, уже вел бой с фашистской пехотой и танками. Выдержав их натиск и уничтожив более 50 гитлеровцев, он перешел в контратаку и вместе с подоспевшим 496-м батальоном отбросил врага.

К этому времени левая группа батальонов выбила противника из Мнишека, являющегося узлом шоссе дорог.

Занятый вражеским полком с артиллерией, он преграждал путь на Спишка-Нова-Вес, куда двигались и мы, и соседний 17-й гвардейский стрелковый корпус. Поэтому сразу же после выхода 361-го, 493-го и 494-го батальонов на восточные подступы к городку командование укрепрайона и наступавшей левее 8-й стрелковой дивизии договорились о совместных действиях по освобождению Мнишека.

Это было 23 января. В тот же день 493-му батальону была поставлена задача выйти к северо-западу от городка, на южные скаты горы Адлербруннер. Для этого ему нужно было преодолеть высоты 1055, 1096, 951 и форсировать реку Гельницу.

Путь был опасный. Поэтому батальон двигался осторожно. Впереди шли разведчики во главе с лейтенантом Бойко. Их сопровождала группа партизан-словаков, хорошо знакомых с местностью. За ними — три роты, тоже с проводниками. Фланги были прикрыты дозорами.

Наступление темноты застало батальон на высоте 1055. И почти сразу первая рота капитана Китайгородского обнаружила впереди себя противника. Комбат Синьков приказал выйти в тыл вражескому заслону и, перерезав тропу, лишить его возможности отступить. Обнаруживший фашистов взвод пробрался лесом на высоту, нависшую над тропой. Оказавшись метрах в тридцати от заслона, он открыл огонь из автоматов.

Гитлеровцы бросились врассыпную, спеша укрыться в лесу.

Но тут же оказалось, что это всего лишь передовая застава. Основные силы заслона, выскочив из укрытия, атаковали роту Китайгородского. В темноте завязался жестокий бой, длившийся три часа. Тут подросла вторая рота лейтенанта Плохих, и общими усилиями заслон был сбит и частью уничтожен.

Путь был открыт. Глубокой ночью батальон вышел на следующую высоту 1096. На ее вершине бушевала сильная метель. Она сбивала с ног, слепила глаза. Переждав ее в лесу, роты с рассветом вновь двинулись вперед. Чтобы выйти на высоту 951, им пришлось сбить еще один немецкий заслон. Лишь после этого они смогли переправиться через Гельницу и выйти на южные склоны горы Адлербруннер.

Здесь к 493-му батальону присоединился 361-й. Вместе они перерезали шоссе Мнишек—Шведлер, блокировав вражеский гарнизон с северо-запада, и установили связь с батальоном 8-й дивизии, действовавшим к западу от городка, а также с 494-м батальоном, наступавшим с востока.

Окружение гарнизона Мнишека было завершено.

Но одновременно с наблюдательного пункта на южных скатах горы Адлербруннер было замечено в районе Шведлера движение пехоты противника в направлении Мнишека. Стало ясно, что предпринимается попытка выручить его гарнизон.

В этих условиях нельзя было медлить, и я принял решение прежде всего ликвидировать противника, засевшего в городке.

Прикрывшись частью сил, батальоны атаковали позиции вражеского гарнизона. Он ответил артиллерийским и пулеметным огнем. Но наши подразделения уже приблизились к траншее, опоясывавшей окраину города. Из нее выскочили несколько десятков венгерских солдат. Они бросились в ближайший лес, видимо, не желая больше сражаться. Многие из них, встретив наших бойцов, бросали винтовки и сдались в плен.

Майор Синьков повел свой батальон в новую атаку. С севера ударил 494-й батальон. Враг дрогнул, попятился. Разгром окруженного гарнизона был уже неминуем. Вражеские солдаты

сдавались в плен. Таких набралось более 200. Остальные, оставив на поле боя до сотни убитых, а также орудия, пулеметы и боеприпасы, рассеялись по лесу, где и были выловлены или уничтожены партизанами.

Все это произошло так быстро, что спешившая на выручку колонна немцев успела лишь достигнуть участка, где наши подразделения прикрывали шоссе на Шведлер.

Она было обрушилась на них, но, встреченная шквальным огнем из укрытий, остановилась. Гитлеровцы залегли, готовясь к новой атаке. Затем попытались охватить фланги оборонявшихся.

Но вот со стороны горы Адлербруннер появились цепи наших бойцов. То подходили роты 361-го и 493-го батальонов, завершившие ликвидацию гарнизона Мнишека. С тыла к фашистам приближался батальон головного полка 8-й дивизии.

В панике, бросая оружие, гитлеровцы бежали, как говорят, куда глаза глядят. Число пленных увеличилось до 765 солдат и офицеров. Достались нам и трофеи — артиллерийская батарея, автомашины, повозки...

Освобождение Мнишека и разгром противника в этом районе открыли советским войскам путь на город Спешка-Нова-Вес. По шоссе к нему двинулся 17-й гвардейский корпус, а батальоны укрепрайона вновь поднялись в горы и пошли в направлении Завадки и Маркушовцев. Но вскоре движение приостановилось.

Впереди оказалось еще одно серьезное препятствие. Отступая 25 января на Маркушовцы, гитлеровцы заминировали железнодорожный мост через реку Горнад. Взорвать его должны были минеры, оставленные под прикрытием на левом берегу.

Словацкие партизаны знали об этом и предупредили нас. Один из них, Грабец, взялся незаметно вывести наших разведчиков к мосту, чтобы помешать его уничтожению.

На операцию пошли добровольцы во главе с пулеметчиком 361-го батальона М. Е. Мельником. Бесшумно, в ночной темноте они подкрались к врагу. Дождались рассвета и тогда внезапно ринулись на мост.

Только одному вражескому автоматчику удалось выпустить очередь. Но в ту же минуту минеры вместе с их прикрытием были уничтожены, не успев сделать даже попытки к взрыву моста.

Захватив его, наши подразделения с ходу овладели и населенным пунктом Маркушовцы — на подходе к городу Спешка-Нова-Вес.

Позади были тяжелый 100-километровый марш в горах, по бездорожью, в пургу и буран, восемь суток непрерывных боевых действий. Бойцы нуждались хотя бы в коротком отдыхе. Обратились с соответствующей просьбой в Военный совет армии и получили разрешение провести дневку.

Сосредоточились в районе Маркушовце, Лескованы, Одорин, Ямник и Данишевце. Радовались предстоявшей короткой передышке.

Но, увы, дневка не состоялась. Обстановка вынудила командование армии отменить свое разрешение. Вместо него укрепленный район получил новую и весьма нелегкую боевую задачу. Оказалось, что наступление левого фланга 18-й армии застопорилось, так как гитлеровцы успели укрепиться в районе Спишка-Нова-Вес. И этот город, расположенный в предгорьях Словацких Рудных гор, и все прилегающие к нему заводы и селения они превратили в сильный узел сопротивления. Он представлял собой мощную оборонительную систему из инженерных сооружений, заграждений, противотанковых рвов, завалов, колючей проволоки.

Командование 18-й армии приказало 17-му гвардейскому стрелковому корпусу, приближавшемуся к Спишка-Нова-Вес походной колонной с юго-востока, по шоссе, овладеть городом. Командир корпуса решил сделать это с ходу и приказал атаковать противника головным полком колонны.

Как потом выяснилось, противник тщательно подготовился к отражению удара. На окраинах он имел замаскированные опорные пункты. Их гарнизонам было приказано не обнаруживать себя при подходе наших сил и пропустить их в город. Поэтому головному полку и удалось не только сразу же ворваться в Спишка-Нова-Вес, но и достигнуть его центральной площади.

Однако успех оказался более чем сомнительным. Полк был тотчас же выбит из города внезапной контратакой немецкой пехоты, поддержанной танками и самоходными артиллерийскими установками. При этом он попал под перекрестный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь тех самых опорных пунктов врага, которые не были замечены им при вступлении в город.

Положение стало очень сложным. Атаки других передовых частей разбиты об упорную оборону противника. Развернуть же корпус, следовавший одной колонной, в условиях гор, покрытых глубоким снегом, было немыслимо, тем более в короткие сроки. Требовалась довольно длительная перегруппировка его сил, грозившая приостановить наступление всей 18-й армии.

Обо всем этом рассказал мне в тот же вечер командующий армией генерал-лейтенант А. И. Гастилевич.

Я понимал, что вызван неспроста, и заранее позаботился о том, чтобы батальоны были готовы к выполнению новой задачи. Выезжая на командный пункт армии, я, конечно, не знал, какой именно будет эта задача, но в том, что получу ее, не сомневался: чутье, что ли, подсказывало.

Примирившись заранее с мыслью о том, что дневка будет отменена, решил лучше использовать хотя бы то время, кото-

рое уйдет на поездку к командующему и обратно. Больше всего хотелось бойцам помыться и привести себя в порядок после тяжелого марша и непрерывных боев. А сделать это быстро они не могли, так как и наши импровизированные банно-прачечные средства, и свежее белье везли обозы, подхода которых мы ждали лишь на следующий день.

Но ведь вокруг нас были наши друзья и братья-словаки. И они с величайшей радостью взялись все устроить наилучшим образом.

Во всех хатах топились печи. Мужчины доставляли дрова, женщины грели воду. В каждом доме слышались всплески воды, шутки, смех. Бойцы с наслаждением смывали с себя следы трудных боевых дорог, а вместе с ними и усталость, стирали и сушили у горячей печки белье.

Я в это время уже был у командующего армией. Рассказав об обстановке, он добавил:

— Вынужден огорчить — дневку отменяю. Чем заняты бойцы? — Выслушав мой доклад, он кивнул головой: — Одобряю. Передайте жителям селений благодарность Военного совета армии. Но когда же окончится ваша импровизированная баня?

— Думаю, к полуночи.

— Позвоните отсюда, чтобы поторопились. Ужин бойцам пусть приготовят получше. Ну и, как Суворов говаривал, после бани... — Командарм улыбнулся, потом подошел к карте, подозвал меня. — Ваши молодцы умеют отлично лазать по горам. Судя по всему, им и зима нипочем. Это сейчас очень кстати. Нужно во что бы то ни стало к рассвету обойти Спешка-Новавес с северо-востока и хотя бы одним батальоном выйти к северо-западу от него, вот сюда, в Снижаны. Задача: перерезать гитлеровцам единственный путь отступления из города — на северо-запад. Остальное, полагаю, вам ясно. Да? Значит — за дело!

Я тотчас же позвонил на свой командный пункт в Маркушове, а через полчаса и сам туда вернулся. Все вызванные командиры батальонов, офицеры штаба и политотдела уже собрались. Пришли и приглашенные по моей просьбе представители местных партизан. Они, как всегда, были готовы помочь нам добрым советом, проводниками и разведчиками.

В пути из штаба армии у меня было время обдумать план предстоявших боевых действий. Теперь мы его сообща уточнили. Каждый батальон получил четкую задачу.

И вот едва наступила полночь, войска укрепрайона уже вышли в путь. Бойцам все же удалось немного отдохнуть, и теперь им было легче шагать сквозь пургу, обжигавшую лицо колючим, морозным снегом. Все вокруг окутала мгла. Это сильно затрудняло движение, но в то же время радовало нас: можно было незаметно для противника проскользнуть на север от города.

Да, не о трудностях пути и всей нашей борьбы с врагом думали в ту суровую военную пору советские воины. Ведь и вся война в сущности была цепью неизмеримо тяжелых испытаний для Советской Армии и всего нашего народа. Скольким из них было за годы смертельной схватки с фашизмом! Но ни временные неудачи в начале войны, ни тяжелые лишения и горькие утраты, ни зимняя стужа и летний зной, ни горы и реки, стоявшие на нашем пути, не сломили воли к победе, не остановили советских воинов, не смогли помешать разгрому врага.

И частицей этого великого подвига Советской Армии был трудный, но славный боевой путь воинов нашего укрепленного района.

Начатый под Москвой и в Сталинграде, он привел нас теперь в горы Чехословакии, на неведомые тропы. Они вели к победе, а потому, какие бы опасности ни ожидали здесь советских воинов, они продолжали идти вперед. Они знали: там, впереди, победа, и это ради нее нужно вновь идти в ночь, в бурю, в горы, где на каждом шагу мог встретиться враг...

Три батальона выдвигались из Ямника и Данишевце. С ними шли проводниками наши верные друзья — словацкие партизаны.

Самая трудная задача досталась 20-му батальону. Ему предстояло вместе с 491-м и 500-м выйти к северу от Спишка-Нова-Вес, а затем уже одному достигнуть Снижан, овладеть этим селением и, оседлав шоссе и железную дорогу к западу от города, закрыть противнику пути отхода. Имелось в виду, что этот батальон будет действовать совместно с частями 17-го гвардейского корпуса, которые должны присоединиться к нему, обойдя город с юго-востока.

500-му и 491-му батальонам было приказано занять исходные позиции у Гориховцев, севернее Спишка-Нова-Вес, и изготовиться к атаке. То же самое предстояло 493-му, 494-му и 361-му батальонам, оставшимся в Данишовце, Одорине и Лескованах.

Таким образом, враг оказывался окруженным с трех сторон. С четвертой, южной, должны были вновь наступать части 17-го гвардейского корпуса. Его правофланговые батальоны капитана Петрова и майора Транезникова с этой целью установили прочную связь с нашим левофланговым 361-м батальоном капитана Субелиани.

Главная цель нашего плана — овладеть городом и открыть левофланговым войскам армии дальнейший путь на запад — была полностью выполнена. Глухой ночью вражеский гарнизон был атакован не только с юга и востока, но и с севера. Наше появление с этой стороны оказалось для него совершенно неожиданным. Оно и оказало решающее влияние на исход боя.

Первым вошел в Спишка-Нова-Вес 500-й батальон. Роты лейтенанта Овчинникова и лейтенанта Каверга быстро достигли

центральных улиц. Немецкие подразделения, переброшенные на это направление по тревоге и изготовившиеся к контратаке, были сметы ударами во фланг.

Один за другим вступили в город также 491-й батальон — с северо-востока и 494-й — с востока. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись натиску наших войск, цепляясь за каждую улицу, за каждый дом. Но командование фашистского гарнизона уже не могло не видеть, что город ему не удержать. Основные силы противника начали отходить на запад. На их плечах двинулись в преследование войска 17-го корпуса.

Важную роль в овладении городом сыграл 20-й батальон под командованием майора С. К. Щербакова — «бати», как его прозвали у нас еще в дни Корсунь-Шевченковской битвы. Его роты, преодолев все трудности ночного марша в занесенных снегом горах, точно в назначенное время вышли к Снижанам. И хотя им не удалось овладеть этим селением, превращенным фашистами в сильный узел сопротивления, все же появление 20-го батальона в тылу у гарнизона Слишка-Нова-Вес ускорило бегство гитлеровцев.

В бою за Слишка-Нова-Вес нами было взято 162 пленных и захвачено много военных трофеев.

Утром в город прибыли командующий и члены Военного совета 18-й армии. Они поздравили солдат и офицеров укрепленного района с новым боевым успехом. Высоко были оценены и предыдущие действия наших батальонов.

Командование армии охарактеризовало их следующим образом: «Прорвав оборону противника 18 января 1945 года западнее Требилев, 159-й укрепленный район во взаимодействии с другими частями армии овладел на территории Чехословакии крупными и сильными узлами сопротивления немцев — городами Кошице и Слишка-Нова-Вес.

В ходе операций войска укрепленного района своими решительными и умелыми действиями дважды обеспечили успешное продвижение левого фланга армии: 23 января, выдвинувшись вперед и захватив Мнишек, содействовали быстрейшему продвижению частей 17-го гвардейского корпуса и 27 января первыми ворвались в Слишка-Нова-Вес»¹.

За это 159-й Днестровский ордена Богдана Хмельницкого укрепленный район был удостоен новой высокой награды — ордена Красного Знамени. 20-й и 361-й батальоны были награждены орденами Суворова III степени, 494-й — орденом Кутузова III степени, 493-й — орденом Богдана Хмельницкого III степени, 500-й — орденом Александра Невского и 491-й — орденом Красного Знамени.

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур. оп. 345881, д. 1, л. 23.

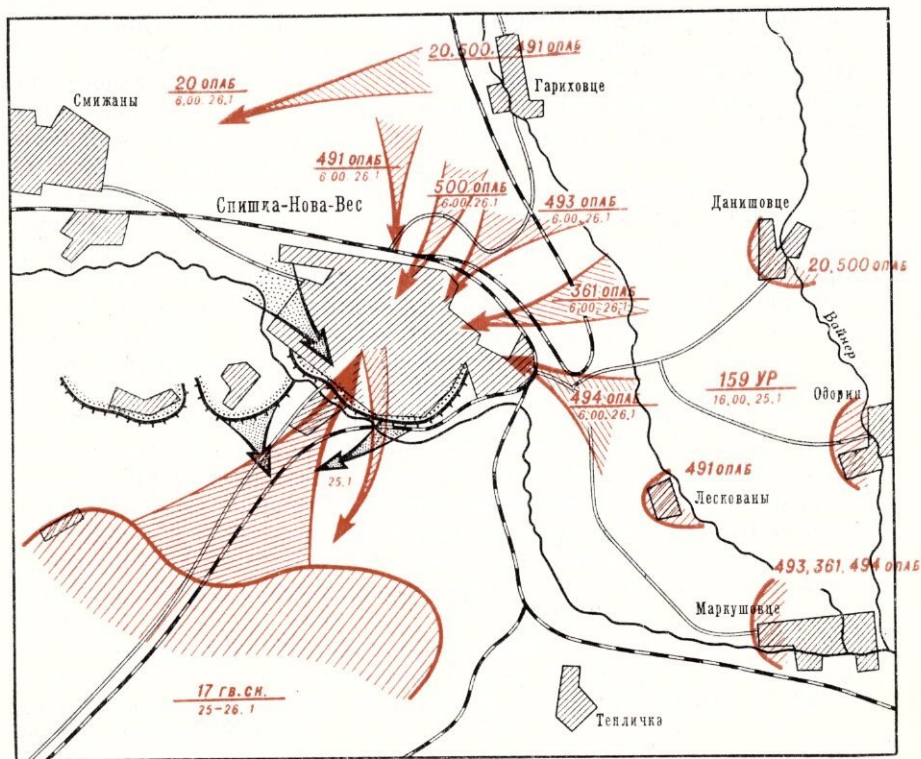

Схема № 4. Боевые действия 159-го полевого укрепленного района по овладению г. Спишка-Нова-Вес.

Но о столь высокой оценке наших боевых действий узнали мы позднее. В дни же, следовавшие за только что изложенными событиями, батальоны укрепрайона участвовали в преследовании отступавшего противника. Теперь мы шли на северо-запад по восточной части Высоких Татр, вновь преодолевая непогоду и крутизну гор.

Стремясь оторваться от преследовавших войск, противник широко применял уже хорошо знакомые нам методы — заваливал и минировал проходы в горах, взрывал мосты. Однако ни преграды, ни снегопад и 30-градусный мороз не помешали нам пройти по хребту Беланске Татры в районе высот 1172 и 913, затем по хребту Спишка-Магура.

За три дня на этом пути батальоны освободили населенные пункты Левочу, Русиновку, Творожну, Любице, Кежмарок, Стражки, Спишку-Белу, Ждяр, Поспади. Благодаря стремительным темпам продвижения, части укрепрайона своевременно перерезали узлы шоссейных и железных дорог в районе Кежмарок и Спишка-Бела, освободили эти города и тем самым помогли полевым войскам овладеть городом Попрад.

Подходил к концу январь 1945 г. Близость победы была уже очевидна: по всему огромному советско-германскому фронту неудержимо наступали войска Советской Армии. То было время, когда даже гитлеровская клика не могла больше скрывать катастрофического положения своего вермахта. «Как будто рухнули плотины, — растерянно заявил 23 января один из фашистских главарей Лей, выступая по радио, — не знаешь, что предпринять для того, чтобы создать новые фронты против большевистских армий»¹.

И все же враг изо всех сил создавал «новые фронты», ища в этом спасения от неминуемой гибели. С одним из них довелось встретиться в ту пору 18-й армии, а следовательно и 159-му укрепленному району.

30 января мы вышли на чехословацко-польскую границу в долине трех рек — Чарны-Дунаец, Оравица и Студены. Обходя справа высочайший в Западных Карпатах Герлаховский пик (2663 метра над уровнем моря), миновали небольшую полосу польской территории от Закопанае до Яблонки и на следующий день оказались вновь на границе, но теперь уже в районе гор, известных под названием Бескид Живецких и Татр Липтовских.

Здесь, в межгорье, которое само по себе было труднодоступным, противник заблаговременно создал мощный оборонительный рубеж с целой системой инженерных сооружений, до отказа насыщенных огневыми средствами, с естественными и искусствен-

¹ См.: ЦГАОР, ф. 4459, ед. хр. 782, л. 244.

ными препятствиями, со сплошными минными полями. Это и позволило ему временно стабилизировать свой фронт на этом направлении, приостановить движение 18-й армии¹.

Для организации дальнейшего наступления потребовалась перегруппировка войск. Прикрыть ее было приказано нашим батальонам.

Так мы вновь преобразились из стрелкового соединения, преследующего врага, в укрепленный район. И, казалось, надолго: оборона противника в этом районе была «крепким орешком».

¹ Архив МО СССР, ф. 371, оп. 6367, д. 532, лл. 1—50.

«Брепкий орешек»

Не так уж много времени понадобилось войскам укрепрайона, чтобы опять стать пулеметно-артиллерийскими батальонами. Подтянулись боевые обозы. Бойцы, еще вчера двигавшиеся по горам налегке, с автоматом или карабином, вернулись к своим орудиям, минометам, станковым пулеметам.

Правда, не все. В каждом батальоне одна из четырех рот по-прежнему имела на вооружении лишь автоматы, ручные пулеметы, гранаты и предназначалась как для обороны, так и для наступательных действий на определенном участке. Один из ее взводов составлял резерв командира батальона.

Такое распределение сил, подсказанное опытом боев начиная со Сталинграда, вполне оправдало себя в условиях полевого укрепленного района, который благодаря этому всегда был готов и к обороне, и к наступлению. А именно это и требовалось от нас в тот момент. Ведь наша оборона здесь была временной, вызванной исключительно необходимостью провести подготовку полевых войск армии к новому наступлению.

Очередное превращение батальонов из стрелковых частей в пулеметно-артиллерийские было не очень обременительным для нас делом. Главные трудности заключались в ином.

Выполняя приказ, войска укрепрайона заняли рубеж к западу от Законане, вдоль польско-чехословацкой границы. Он тянулся на 45 километров от южных скатов самой высокой в Бескидах горы Бабя Гура (1725 метров над уровнем моря) до горы Скорушина (1312 метров). Почти на всем своем протяжении передний край проходил по пустынным берегам речек Липнице, Хижняк, Оравиця, Церна, Михуш и по скатам скалистых гор, покрытых снегом по пояс и обдуваемых со всех сторон жгучими морозными ветрами.

Так что негде было солдату ни обогреться, ни помыться как следует: здесь имелось лишь несколько населенных пунктов, в том числе Пиживартувка и Розтоки, да и они были разорены и наполовину сожжены фашистами, не раз учинявшими жестокою расправу над местным населением за помощь партизанам.

Не было и возможности вовремя сменять бойцов на переднем крае — слишком широка была обороняемая нами полоса. Понятно, что в таких условиях и горячий обед стал редкостью. Пока доставят пищу, она остынет. А разогреть ее вблизи позиции нельзя: на самый маленький дымок противник посылает горячие «гос-тинцы».

Особенно тяжело пришлось в этом отношении 496-му батальону. Нужно было предпринять срочные меры для улучшения его позиций и занятия хоть одного населенного пункта.

И вот 2 февраля две роты этого батальона атаковали противника в селении Рабовке. В ходе боя гитлеровцы внезапно охватили фланги наступающих, вышли им в тыл и попытались уничтожить. Но натолкнулись на умело и быстро организованную круговую оборону. Два часа длился жестокий бой. Окруженные отбили все атаки, а затем при помощи резерва 496-го и соседнего 500-го батальонов отбросили противника, заняв не только Рабовку, но и расположенное недалеко селение Ораву.

Так первые же дни пребывания на новом рубеже вновь подтвердили необходимость иметь в каждом батальоне готовые к броску вперед подразделения.

Бой за Рабовку также показал отличную боевую выучку воинов, их стойкость в обороне, находчивость и мужество. Так сражались и роты 496-го батальона, и те, кто пришел им на помощь. Взвод 500-го батальона, выручая окруженных, сам попал во вражеское кольцо. Но ни бойцы, ни их командир лейтенант Крутник не растерялись. Пулеметчик И. И. Присяжнюк бесстрашно кинулся вперед на возвышенность и оттуда меткой очередью скопил наседавших фашистов. В их кольце образовалась брешь, через которую взвод стремительным броском и выбрался из окружения, не понеся потерь.

Противник, конечно, понимал, что ему удалось лишь временно приостановить наступление 18-й армии на этом участке. Не составляло труда догадаться и о начавшейся перегруппировке ее войск. Гитлеровское командование всячески пыталось установить, где она происходила и в каком месте будет нанесен новый удар. Поэтому не прекращались палеты, прощупывание нашей обороны боем, попытки взять «языка», сопровождавшиеся стычками и даже рукопашными схватками.

Цель этих вражеских диверсий была ясна. Но нельзя было не считаться и с тем, что они могли являться также подготовкой к контрудару, весьма для нас опасному.

Дело в том, что фланги укрепрайона оказались особенно уязвимыми, так как локтевой связи с соседями не было. Справа, между нашим наблюдательным пунктом на вершине уже упоминавшейся горы Баба Гура и флангом соседних войск 1-й гвардейской армии был пятикилометровый разрыв. Слева в 25 километрах находились части Чехословацкого корпуса, но их отделял от нас считавшийся непроходимым горный хребет Липтовске Гол.

Опасность таилась и на центральном участке рубежа, у села Витаново, расположенного на берегу реки Оравицы. Здесь над позициями нашей пулеметно-артиллерийской роты нависала высота, находившаяся в руках у противника. Правда, на этом направлении укрепленный район расположил большую часть своей артиллерии, а также резервы, но они были весьма скромными.

Вот почему намерения противника стали, как всегда, объектом нашего пристального внимания. Кроме того, от нас требовалось разведать расположение противника, нащупать слабые места в его обороне.

В таком деле успех зависит не только от нашего умения, но и от условий обстановки. А они были более чем неблагоприятными. Противник хорошо укрепился на заранее избранном и тщательно оборудованном рубеже. Силы его по сравнению с нашими были весьма значительны: трем немецким дивизиям — 254-й пехотной, 3-й и 4-й горнострелковым противостояли семь пулеметно-артиллерийских батальонов. Полевые же войска 18-й армии, как я уже отмечал, приступили к перегруппировке в тылу укрепрайона.

Здесь оказались бессильными помочь нам и местные жители. Разумеется, они отлично знали пути, ведущие в расположение врага, но попытки проникнуть туда или установить связи с населением сел, расположенных у него в тылу, неизменно оканчивались неудачей. Гитлеровцы остервенело расправлялись с каждым, кто вызывал у них подозрение.

Не имели успеха и наши собственные первые шаги в этом направлении. Шли дни, и сведения о противнике и его намерениях становились все более необходимыми и для войск укрепрайона, и для готовившегося к наступлению на этом участке 17-го гвардейского стрелкового корпуса.

Первая удача обошлась нам очень дорого. За нее заплатил жизнью замечательный командир старший лейтенант Иван Васильевич Удалов.

7 февраля, выполняя боевую задачу, он во главе разведгруппы 500-го батальона в ночной темноте проник на передовую позицию противника. Забросав траншею гранатами, смельчаки уничтожили несколько гитлеровцев, а одного из них, оглушенного взрывом, втиснули в мешок и потащили в свою сторону. Но быстро ползти по глубокому снегу было невозможно, по-

этому кинувшиеся с двух сторон гитлеровцы мгновенно окружили разведчиков.

Группе Удалова оставалось одно — круговая оборона. Так и сделали. Отбили одну атаку фашистов, другую... Удалов был уже ранен, но продолжал руководить боем до подхода группы прикрытия. С ее помощью разведчики отбились от гитлеровцев и даже свою «драгоценную» ношу не потеряли. Но Удалов при этом пал смертью храбрых.

Разведчики отомстили за гибель своего командира, уничтожив до десятка гитлеровцев. А следующей ночью вновь пошли за «языком».

Такие разведывательные партии действовали на участках всех батальонов. Постоянно рискуя жизнью, они с каждым днем пополняли сведения о противнике.

Что касается его намерений, то, казалось, наши опасения не оправдывались. Ничего особенно тревожного мы не узнали. Но почему-то не верилось в то, что враг и в дальнейшем ограничится «булавочными уколами». Тем более, что приближался день Советской Армии и по опыту было известно, что фашисты не откажутся от попытки испортить нам праздник.

Первое подтверждение этому мы получили уже 20 февраля. В этот день рота, оборонявшая район Липнице Вельки, отбила две сильные атаки гитлеровцев. Можно было предположить, что и они предприняты с разведывательными целями. Однако это было не так — разведка велась, несомненно, в интересах подготовки более активных действий.

О том же говорили и результаты ночного поиска, проведенного накануне праздника, 22 февраля, воинами 493-го батальона. У развезда Лъечек им удалось захватить двух пленных, оказавшихся солдатами немецкого 91-го горноегерского полка. Это означало появление новой дивизии, причем специальной, горной, и еще больше насторожило нас.

Вновь были тщательно проверены все принятые батальонами предупредительные меры, боеготовность частей — словом, сделано все, что требуется в таких случаях. И не напрасно.

В 4 часа утра 23 февраля, после короткого, но мощного артиллерийского налета противник атаковал четвертую роту правого флангового 361-го батальона. Немецкий батальон лыжников с артиллерийскими самоходками вклинился в ее боевые порядки и захватил часть селения Розтоки, создав угрозу охвата правого фланга укрепленного района. Развивая успех, гитлеровцы попытались захватить селение Липнице Вельки с тем, чтобы выйти затем к местечку Яблонке, расположенному у нас в тылу.

Так начался праздничный день. Но войны укрепрайона не были захвачены врасплох. И временный успех врага был лишь следствием многократного превосходства его сил на участке атаки.

Четвертая рота встретила противника сильным огнем и не отступила ни на шаг. Ее подразделения стойко сражались и тогда, когда оказались разобщенными и окруженными. В неравном бою они проявили высокое мужество и самоотверженность. Трудно даже сказать, кто из бойцов отличился более других. Впрочем, об одном из них нельзя не рассказать особо.

Пулеметчик старший сержант Епифанов, о боевых подвигах которого уже упоминалось в предыдущих главах, был в том бою правогофланговым. Гитлеровцев он встретил прицельным огнем. Вот уже скошены насмерть те из них, кто шел впереди. Но остальные, даже не оглянувшись на убитых, продолжали идти. Пулемет бил по ним безостановочно. Два бойца едва успевали набивать диски.

Расстояние быстро уменьшалось. Фашисты открыли стрельбу из автоматов. Епифанов ранен. Однако его пулемет продолжает косить врагов. Старший сержант не отрывается от прицела. Короткая очередь, вторая... По тем из гитлеровцев, кто поближе. И они падают как подкошенные.

А в глазах у пулеметчика потемнело. Слабеют руки... Но в тот же миг в сознании вспыхивает мысль: немцы не должны пройти. Напрягая остаток сил, Епифанов вновь сменил диск, и пулемет ударил длинной очередью, заставив, наконец, залечь оставшихся в живых фашистов.

Тогда только уступил Епифанов свое место второму номеру. Сам же с трудом добрался до перевязочного пункта. Здесь его перевязали и велели не двигаться, так как он потерял много крови. Но тут кто-то пробежал мимо, прокричав:

— Опять атака!

Епифанов вскочил:

— Мало им, значит? Прибавим... — и, не слушая увещаний, ушел к пулемету...

Врагу не удалось осуществить свой замысел, хотя он и ввел в бой еще один батальон. На помощь четвертой роте подоспели сначала две соседние роты, а затем резерв штаба укрепрайона. Выдержав несколько повторных яростных атак, они совместным ударом отбросили противника на исходные позиции.

Положение было восстановлено.

Но вот в 8 часов артиллерия противника обрушилась на центр полосы укрепленного района. Из полутора тысяч посланных ею снарядов и мин большая часть была нацелена как раз на участок в районе села Витаново. Пять пулеметных точек на западной окраине села вышли из строя. Сюда, в образовавшуюся брешь, и кинулась лавина пьяных гитлеровцев. Одновременно отряды немецких лыжников охватывали окраины села также с севера и юга.

Оборонявшая Витаново рота 493-го батальона была рассечена противником на отдельные группы, которые сражались до по-

следнего патрона, до последней гранаты. Бой сразу же принял исключительно ожесточенный характер.

Вот что происходило, в частности, у двух домпков, в одном из которых оборонялись двенадцать бойцов во главе с заместителем командира батальона капитаном С. К. Внуковым, в другом — артиллерист капитан М. С. Крушин с пятью бойцами и рацией.

Внуков, старшина Боев и сержант Малявко, закончив обход переднего края, продрогшие и усталые, возвратились на рассвете на командно-наблюдательный пункт. Связистка Валя предложила им горячего чаю. Только взялись за кружки, как все вокруг затряслось, загрохотало. Огненные вспышки осветили село. А вслед за ними с окрестных гор скатилась лавина фашистских лыжников. Враг с трех сторон ворвался в Витаново. Группа гитлеровцев уже подходила к домику Внукова. Все это произошло за несколько минут. Но группа Внукова успела изготовиться к бою и, встретив фашистов пулеметным и автоматным огнем, прижала их к земле. В это время со двора донесся голос пулеметчика Васюты:

— Немцы — в тылу!..

И тотчас же застрочил его пулемет.

Внуков с тремя бойцами кинулся в глубину двора. Там пыталась прорваться большая группа гитлеровцев. Встретив усилившийся отпор, она тоже залегла. Но Внуков не обманывал себя. Он видел: это окружение.

В подобном положении была и горсточка бойцов во главе с капитаном Крушиным, оборонявшаяся в соседнем домике. Оба строения вместе с находившимся между ними сараем представляли собой как бы подкову. Это позволило Внукову и Крушину организовать круговую оборону и совместно отбиваться от наседавших гитлеровцев. Крушин, не выпуская из рук автомата, в промежутках между очередями еще и корректировал по радио огонь нашей артиллерии, наводя его на атакующего противника.

Осажденные сначала вели огонь не только из окон, но и из каждой щели. С чердака, откуда хорошо были видны ползущие по снегу гитлеровцы, бил по ним из пулемета старшина Боев.

Враг несколько раз поднимался в атаку и тут же откатывался назад, оставляя перед домиками десятки трупов. Но, не считаясь с потерями, продолжал сжимать кольцо окружения.

Особенно яростно атаковал он группу капитана Внукова. Здесь первой героически погибла связистка Валя. Проводная связь была прервана, и девушка, взяв карабин, присоединилась к защитникам домика. Бесстрашно встретив рвавшихся на крыльцо фашистов, она в упор выстрелила в офицера. Гитлеровец с простреленной грудью упал на ступеньки, но два других, схватив Валью за руки, обезоружили и по приказу раненого офи-

М. С. КРУПИН

цера подвели к нему. Приподнявшись, с искаженным злобой лицом, он разрядил в нее свой парабеллум.

Полагая, что с защитниками домика покончено, гитлеровцы полезли и в дверь, и в окна. Но тут же повалились наземь, сраженные наповал меткими пулями. Мстя за Валю, бил по ним в упор из-за косяка двери сержант Малявко. Внуков с остальными бойцами держал под обстрелом окна.

Новая беда: боеприпасы на исходе... Внуков приказал беречь каждый патрон, стрелять только наверняка. Но ведь так долго не продержишься.

И сержант Малявко, сибиряк, охотник, выпрыгнул из раскрытого окна и с молниеносной быстротой, буквально распластавшись по снегу, пополз между убитыми гитлеровцами, подбирая их оружие. Над ним засвистели пули, но из домика ответили сильным огнем, и под его прикрытием смельчак добрался до окошка. Бросок, и Малявко вновь среди своих, живой и невредимый. В руках у него два немецких ручных пулемета, на поясе несколько сумок с боеприпасами, а в карманах пять гранат.

Все в домике повеселели: опять можно драться.

Неравный бой продолжался. Только что отбили очередную атаку, а фашисты уже готовятся к следующей. Враг стремится любой ценой сломить сопротивление советских воинов. Среди них уже многие ранены, но, наспех перевязывая друг друга раны, они продолжают стойко сражаться.

Разъяренные гитлеровцы решили сжечь их заживо. Запылали оба домика и прилегающие постройки. Огненные струи хлестнули по окнам, по деревянной крыше.

Первым затрещал домик Крупина. После оглушительного взрыва в единственную комнату ворвалось пламя. На людях зателася одежда — ее тушили руками. Комната наполнилась удушающим дымом. Нечем было дышать. Но бойцы, обгорелые и прокопченные, стояли на своих местах, встречая огнем каждую попытку фашистов проникнуть в домик.

В соседнем домике Боев все еще был на чердаке. Присмотрев немецких радистов, корректировавших артиллерийский огонь, он попытался достать до них очередь из своего пулемета. Но чердак был уже объят пламенем, пришлось уходить. Тогда старшина спустился вниз и вместе с четырьмя бойцами устроил охоту за корректировщиками.

Рискуя попасть под пули, по-пластунски подобрались к радистам и забросали их противотанковыми гранатами. Вражеская артиллерия лишилась корректировщиков, а пятерка смельчаков возвратилась в домик, успев по пути собрать целую кучу немецкого оружия и боеприпасов.

К этому времени и здесь уже все было в огне. Капитан Внуков решил последовать примеру Крупина, перебравшегося с бойцами и рацией в подвал дома. Внизу стало легче дышать. У двух крошечных окошек, превращенных в бойницы, устроились с ручными пулеметами капитан Внуков и сержант Малявко, у входа в подвал — старшина Боев с остальными бойцами. Приблизительно такой же «боевой порядок» был и в группе Крупина.

Теперь фашисты вплотную обложили полусожженные дома. Совсем рядом раздавались крики:

— Рус, сдавайся!

В ответ кто-нибудь из осажденных посылал пулю:

— Получай, фашист!

Запас патронов с каждой минутой тает. Еще несколько выстрелов — и все... А фашисты уже ломаются в один из подвалов. Крупин с бойцами и рацией перебирается к Внукову. Тут подвал надежнее. Но отсюда выхода уже не будет.

— Есть выход, — говорит капитан Внуков.

И все знают, какой: еще работает рация, значит можно вызвать огонь на себя и уничтожить всех атакующих гитлеровцев. Ну, а если при этом придется и самим погибнуть, то со слабой, как подобает советским воинам.

Крупин быстро подсчитывает: да, снаряды должны лечь так, чтобы не повредить подвалу, но...

Внуков из-под окровавленной повязки пытливо оглядывает товарищей. В их глазах он видит одну мысль, одно решение. И все же спрашивает:

— Кто против?

Малодушных не нашлось.

Теперь приступает к делу капитан Крупин. По его приказанию радист Моргун вызывает начальника артиллерии укрепленного района майора С. А. Алексеева. Крупин просит огня, диктует точные координаты. Чувствуя, что майор явно смущен, повторяет заявку.

Она взволновала не только Алексеева. Я тоже почувствовал смятение, когда он доложил мне о ней:

— Это же огонь... на себя!

— Все будет зависеть от точности переданных Крупиным координат, — тихо, как бы про себя, заметил Алексеев.

— И от точности стрельбы нашей артиллерии, — добавил я. — Перед выполнением заявки еще раз запросите координаты. Личному составу дивизиона скажите все... Чтобы каждый оружейный расчет знал: речь идет о спасении наших товарищей.

И вот координаты подтверждены. Тут же Крупин получает извещение:

— Огонь готов.

Он командует по радио:

— Четыре снаряда, беглый! Дивизионом!

48 снарядов легли точно вокруг домиков. Мало кто из находившихся здесь гитлеровцев уцелел. Оставшиеся в живых поспешно бежали подальше от зоны разрывов. Но и там их настигла наша артиллерия, перенося огонь по команде Крупина.

Никто из осажденных не пострадал. В подвале царило бурное ликование. Но и врага здесь не забывали. Воспользовавшись переполохом среди фашистов, сержант Малявко с тремя бойцами собрал еще десяток немецких автоматов и много патронов. Моргун с двумя бойцами также вышолз из подвала. Быстро подобрав оружие и боеприпасы, они возвратились.

— Товарищ капитан, — обратился к Крупину радист, — разрешите оттуда, сверху, подсказывать вам места, где фашисты скопились. Там виднее...

Действительно, в наступивших сумерках из-за полуразрушенной стены домика лучше видны были беспорядочные группы уцелевших вражеских солдат. Там с разрешения капитана и залег Моргун, помогая корректировать огонь нашей артиллерии.

Враг уже не рисковал приближаться к горсточке бесстрашных советских воинов. Но и у них силы были на исходе. Смертельно усталые, почти все раненные, они понимали, что одним им долго не продержаться, а обещанная помощь все не шла.

Но вот радостная весть. Командир 493-го батальона капитан Синьков сообщил по радио, что помощь близка.

В это время резервы укрепрайона сосредоточивались для удара по врагу, не только захватившему Витаново, но успешному и продвинутому дальше, на шоссе, ведущее к Гладовке.

Наших семи батальонов, имевших большой недокомплект,

явно не хватало для обороны 45-километрового рубежа, да еще при крайне невыгодных условиях местности. Тем не менее нам предстояло собственными силами отбросить вклинившегося противника и восстановить положение. Такую задачу поставил командующий армией. Его решение было продиктовано необходимостью не раскрывать противнику даже в малейшей степени расположение сил армии, готовившихся к наступлению.

Но собственного резерва укрепрайона было недостаточно для выполнения этой задачи. Поэтому пришлось проделать целую «перегруппировку сил». Штаб укрепленного района вооружил солдат хозяйственных подразделений и тыла, сформировал из них стрелковые роты. В их состав вошли и все способные носить оружие выздоравливающие бойцы, находившиеся на медицинских пунктах батальонов и укрепрайона. Затем эти подразделения были выдвинуты на наименее ответственные направления, высвободив оборонявшие их пять пулеметно-артиллерийских рот.

Эти пять рот, а также разведывательная и саперная вместе с комендантским взводом и составили нашу ударную группу.

Говорят, что скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. На этот же раз все происходило поистине со сказочной быстротой. Ведь пришлось сначала по всей нашей полосе собирать бойцов для новых боевых формирований, затем подвести их к намеченным для смены частей участкам, разбросанным опять-таки по всему переднему краю, и, наконец, сосредоточить высвободившиеся пулеметно-артиллерийские роты на направлении ответного удара.

К этому нужно добавить и то, что одним из обязательных условий успеха была скрытность предпринятого частями укрепрайона маневра. Чтобы не вызвать у противника подозрений, а следовательно и контрмер с его стороны, смена и сосредоточение рот тщательно маскировались, а это, конечно, тоже требовало дополнительных затрат времени.

И все же к вечеру того же праздничного дня 23 февраля ударная группа была готова к выполнению боевой задачи.

Дальше события разворачивались еще стремительнее. За короткой артиллерийской подготовкой последовал сильный удар, заставивший противника бросить захваченные им позиции на шоссе, ведущее в Гладовку, откатиться в Витаново, а оттуда успешно бежать на свои высоты.

Деревня была полностью очищена от врага, и вот мы уже обнимаем наших боевых товарищей, находившихся весь день в окружении, поздравляем их со славной победой в неравной схватке с фашистами.

Многих мы недосчитались в этот час. Пал смертью героя в бою с врагом и капитан Белов. Были и тяжело раненные, среди них пулеметчик Васюта, находившийся в бессознательном состоянии.

Но во много раз дороже обошлась противнику его попытка вклиниться в нашу оборону. В Витаново повсюду валялись убитые гитлеровцы. Их были сотни. И особенно много — вокруг двух разрушенных и сожженных домиков, где оборонялась горсточка бойцов во главе с капитанами Виуковым и Крупиным.

Так врагу не удалось испортить нам праздник. Не достиг он и своих целей: положение на переднем крае было восстановлено, попытка раскрыть действия и намерения перегруппировывавшихся войск 18-й армии также оказалась безрезультатной.

Последнее обстоятельство, судя по всему, вызывало особенное беспокойство у гитлеровцев. Они и в последующие дни продолжали предпринимать отчаянные усилия, чтобы сорвать планы нашего командования. Не проходило дня без новых попыток прощупать оборону укрепленного района. 24 февраля противник вел разведку боем на участке 496-го батальона, 25-го совершил палет на 361-й. 26-го он четырежды пытался вклиниться в нашу оборону, последовательно атакуя позиции 361-го, 496-го, 491-го и 20-го батальонов. 27-го повторилось то же самое, но теперь и на участке 500-го батальона.

Чтобы представить характер этих налетов, подчас резко осложнявших положение на нашем переднем крае, расскажу об одном из них.

Это было в ночь на 28 февраля. До двухсот немецких автоматчиков скрытно подобралось к переднему краю первой роты 20-го батальона. Тут они были обнаружены и остановлены пулеметным и автоматным огнем. Однако одной группе гитлеровцев, насчитывавшей человек сорок, удалось в ходе боя прорваться через передний край и выйти в район наблюдательно-командного пункта командира роты капитана Захаренко. Часть немцев бросилась на прикрывавшие его расчеты 45-мм орудия и станкового пулемета, другая блокировала соседнюю землянку командира взвода лейтенанта Пахомова.

Советские воины не растерялись. Расчет сержанта Герасимова, разрядив свое орудие по фашистам, бил теперь по ним из автоматов, закидывал ручными гранатами. Одного за другим разил насмерть меткими выстрелами Пахомов. Подоспевший резервный взвод командира батальона частью расстрелял нападавших с ходу, а остатки отбросил штыковой атакой. Так и на этот раз гитлеровцам не удалось осуществить свое намерение пробиться в тыл или хотя бы утащить у нас «языка»¹.

Трудным был для нас февраль. Но вот и он позади.

А в начале марта генерал-лейтенант Гастилевич совместно с командованием 1-го гвардейского стрелкового корпуса и 159-го укрепленного района провел последнюю рекогносцировку. Значит, скоро наступление.

¹ Архив МО СССР, ф. 371, оп. 6367, д. 532, лл. 151.

Но прежде, чем оно увенчалось успехом, нам пришлось еще раз убедиться в том, что перед нами был действительно «крепкий орешек».

По решению командования 18-й армии ударная группа 17-го гвардейского стрелкового корпуса должна была наступать вдоль шоссе на Бобров, Сланицу. Прикрывать ее фланги было приказано 159-му укрепленному району силами четырех батальонов.

В ночь на 5 марта 491-й, 496-й и 20-й батальоны передали свои участки обороны полевым частям и начали подготовку к атаке. Первые два должны были наступать на правом фланге ударной группы, 20-й же вместе с временно приданными укрепления району специально для этого пятью стрелковыми ротами — на левом.

Эти пять стрелковых рот составили созданный штабом укрепления сводный батальон. Возглавил его капитан Богоявленский, оказавшийся тогда «не у дел», так как роты 496-го пулеметно-артиллерийского батальона, которым он командовал, имели большой недокомплект и поэтому были временно переданы на усиление других частей укрепления.

Выбор пал на В. С. Богоявленского еще и по другой причине. Прибывшие к нам стрелковые роты состояли в большинстве из солдат-новичков, обученных насех, необстрелянных. Из них еще предстояло сделать боеспособную часть, и эта задача была под силу именно Владимиру Сергеевичу, одному из лучших, опытейших боевых офицеров укрепления.

И он действительно сделал все, что мог. Стрелковые роты, прибывшие за несколько дней до начала наступления, сразу же включились в боевую подготовку, которую вели наши батальоны. Капитан Богоявленский неотлучно находился с ними, учил бойцов, рассказывал им о боевых традициях войск укрепления района, об их славном боевом пути. Большую помощь, разумеется, ему оказывали в этом наши политработники во главе с полковником Н. Н. Калининным.

Под руководством Владимира Сергеевича эти роты вскоре после прибытия приняли и первое боевое крещение. Вместе с ним они ходили в ночной поиск, и весьма удачно. Так, одна из рот, бесшумно проникнув на передний край обороны противника в районе высоты 1107, захватила группу фашистов, не успевших открыть огонь. Вместе с пленными рота возвратилась в свое расположение, не понеся потерь.

Но такие удачи, конечно, не означали, что за несколько дней новички стали бывальыми воинами. Напротив, они все еще были недостаточно подготовлены к выполнению возложенной на них сложной боевой задачи. Это не могло не сказаться и на результатах боевых действий, которые велись ими вначале.

Наступил назначенный срок — утро 7 марта. Пятиминутный

сильный огневой налет на позиции противника, и вслед за ним — атака.

В тот день части 17-го гвардейского стрелкового корпуса прорвали оборону противника и вышли к восточным окраинам Зуброглавы и Боброва. Дальше продвинуться не смогли. Наступление, едва начавшись, стало затухать.

Безуспешными были и действия частей укрепрайона.

Справа от ударной группы корпуса одновременно с ней пошли вперед 491-й и 496-й батальоны. Им было приказано овладеть на этом направлении сначала высотами 758 и 865, а затем следующей — 819. Продвигаясь по глубокому снегу, они за полчаса достигли леса в двух километрах от первой из названных высот.

На этом участке оборонялись два немецких батальона — горнострелковый и 888-й охранный, незадолго до того прибывший из Германии. Они встретили наших воинов сильным огнем, вынудив их залечь.

Однако атакующие батальоны находились уже непосредственно у проволочных заграждений и, ведя бой, одновременно продельвали в них проходы. Фашисты пытались помешать этому, но две их контратаки во фланг наступающим были отбиты.

В 12 часов 491-й батальон под прикрытием 496-го преодолел заграждения и вышел на линию польско-чехословацкой границы у пограничного столба под номером 85. Продвинуться дальше, на высоту, не смог и, окопавшись в снегу, продолжал огневой бой.

Неудача постигла и сводный стрелковый батальон, наступавший на левом фланге ударной группы 17-го гвардейского стрелкового корпуса. Взаимодействуя с ней, он должен был атаковать врага на реке Чорна Орава у населенного пункта Солтыство Нижне и, овладев частью урочища За-Елесной, продолжать наступление на Гамри.

Две правофланговые роты выполнили первую часть этой задачи, прорвав оборону противника у реки. Наступая вдоль берега, в обход Солтыство Нижне, они даже достигли указанного урочища.

Но там противник встретил их сильным пулеметно-автоматным и минометным огнем со стороны Гамри. Опасаясь окружения, хотя по условиям местности оно было маловероятным, и не установив связи с командиром батальона, обе роты начали отходить.

Две другие роты того же батальона незадолго до полудня вышли на окраину Солтыство Нижне. Но закрепиться здесь не сумели и, будучи атакованы противником, оказались разобщены и позорно также возвратились на исходные позиции¹.

¹ См.: *Архив МО СССР, ф. 371, оп. 6367, д. 532, лл. 2—22.*

Не принес успеха и следующий день. Ударная группа войск 17-го корпуса не продвинулась далее восточных окраин Зубро-главы и Боброва.

9 марта укрепленному району была поставлена задача вновь атаковать противника теми же силами на обоих направлениях с решительной целью прорвать его оборону. Но и на этот раз наши атаки оказались безрезультатными. Хотя сводный батальон теперь прикрывали две роты 20-го артпульбата и действовал он более слаженно, однако успеха не добился.

Отразили фашисты и новую атаку 491-го батальона, усиленного двумя ротами 496-го. Он успел прорваться к высоте 865 и стал обходить ее, но был контратакован и отброшен. Удалось лишь совместно с 496-м батальоном разгромить при отходе опорный пункт противника у пограничного столба 83, уничтожив роту гитлеровцев.

В тот же день враг панес со стороны Стыруновой Поляны и Пясковой Поляны контрудар по войскам 17-го корпуса, и они были вынуждены оставить занятые позиции на окраинах Зубро-главы и Боброва и вернуться в исходное положение. Таким образом, попытки ударной группы корпуса прорвать оборону противника не имели успеха.

Надо сказать, что таков же был результат наступления, предпринятого несколько раньше с другого направления 1-м Чехословацким армейским корпусом и 24-й стрелковой дивизией 18-й армии. Прорвав 3 марта оборону врага, они с ходу захватили Бобров и Трстень, но противник, введя в бой резервы, на следующий день восстановил положение.

Неудачи обеих наступательных операций в этом районе представляются мне следствием ряда причин, среди которых прежде всего недостаточность сил и средств, выделенных для прорыва вражеской обороны. Неточным был и выбор направления главного удара. Подтверждение этому дал последующий ход операции, когда боевые действия были подготовлены более тщательно, а потому и оказались успешными.